

Двунадесятый ли это праздник?

Праздник Обрезания обычно проходит незаметно. И не знаешь, «двунадесятый» ли то праздник или нет.

Пасха стоит выше и вне «двунадесятых» (тринадцатый праздник). Следовательно, остаются (по месяцам): Крещение, Сретение, Благовещение, Вход в Иерусалим, Вознесение, Троица с Духовым Днем, Преображение, Успение, Рождество Божией Матери, Воздвижение Креста, Введение во храм и Рождество Христово... И так, двенадцать. Ясно, что Обрезание не есть двунадесятый праздник; но он читается.

Незаметный

Но почему же он проходит так незаметно? И вообще в этот день как-то не испытываешь ничего яркого и ясного. Причин этому несколько.

При великом свете праздника Рождества Господня и при грядущем Крещении, Богоявлении Троицы, — этот праздник Обрезания, утесненный между ними, теряется как звезда при двух солнцах.

Ему даже времени нет: 31 декабря (по старому стилю — прим. ред) отдается Рождество; 2 января начинается уже предпразднство Крещения. А на Обрезание остается всего-навсего лишь один день: ни предпразднства, ни попразднства нет, только один день праздника.

А к этому добавьте еще память такого великого светильника Церкви как Василий Великий, почивший 1 января; — торжество ему тоже ослабляет Обрезание.

А с Петра Великого, перенесшего «Новый год» с церковного празднования (1 сентября) на западное 1 января, люди знают этот день именно как Новый год, а не как Обрезание.

Может быть, даже многие и не знают этого праздника. Во всяком случае, в сознании верующих этот праздник — один из самых затененных. Точно и не праздник он для богомольцев.

Но нет ли причины и в самом существе праздника? Может быть, в нем мало праздничных элементов? Например, праздник Преполовления тоже проходит малозаметно... Ясно, что Обрезание как-то мало захватывает нашу душу по самому существу своему.

В чем же дело? Не пропускаем ли мы его?

Мало задумывались

Я раньше и не задумывался над смыслом Обрезания. Знал, конечно, что в этот, восьмой, день по рождении принесли Господа в храм Иерусалимский для совершения над ним ветхозаветного чина, или таинства обрезания «крайней плоти». Помнил, что в Ветхом Завете это служило знаменем заключения завета человека с Богом. Видел и на иконах, как священник стоит пред обнаженным тельцем Младенца Господа с ножом, готовый произвести операцию обрезания плоти. После припоминал, что Господь очень строго требовал исполнения этого закона от иудеев, так что «обрезанный» считался Божиим, а «необрезанный» — язычником, как и у нас делили людей на крещеных и «нехристей», некрещеных... Сербь даже думают, что у некрещеных умерших младенцев и души нет; это я сам слышал от одной несчастной матери.

Но все это мне казалось лишь простым исполнением ветхозаветного обряда, не имеющим никакого отношения к нам, христианам. А быстрое мелькание праздника между двумя великими «богоявлениями», да еще «заваленное» «Новым годом» (не церковным празднованием) не давало времени вдуматься о смысле этого праздника. Но уже одно то, что Господь благоволил принять обрезание (а обрезание в Ветхом Завете имело величайшее значение — как крещение у христиан) и, наконец, то, что Церковь установила этот праздник, заставляет задуматься. Может быть, что-либо да откроется нам? И уж во всяком случае узнаем, что мыслит Церковь в своих богослужениях.

Праздник закона Божия

Вот только в 1927 году, под первое января, я почувствовал одну сторону этого праздника. Это было в связи с решением вопроса об отношении моем к разделению митрополита Антония и митрополита Евлогия. Долго я мучился. Но, наконец, пришел к

выводу: закон нужно исполнить. И это было как раз накануне праздника Обрезания. И тогда у меня и промелькнула мысль о связи этого вопроса с кануном праздника «закона», когда и Господь, подчиняясь закону, исполнил чин обрезания. Это меня укрепило еще более. Сочетание же памяти святителя Василия Великого, этого законодавца церковного, управителя Церкви, еще лишний раз поддержало в принятом решении о законности. И с Афона пришло письмо с решением подчиниться законному главе Церкви, митрополиту Сергию — и в тот же самый день. А ведь ничто у Бога не случайно.

И тогда я подумал следующее. Тот, кто намерен жить по новым законам, тот сначала должен исполнить старые. Это покажет, что он действительно «законопослушный» человек, а не своеволец. Тот лишь имеет право устанавливать новое, кто исполнил старое.

Господь пришел установить Новый Закон, и Он необходимо должен был исполнить Ветхий. И вот Он с самого Своего рождения (обрезание — первое священнодействие после рождения) сразу же начинает исполнять закон. Законодатель первый подчиняется закону.

И после в службе я действительно усмотрел эту мысль и встретил постоянное употребление слова «закон». Но я не задумался тогда над тем, какое же это отношение имеет ко мне, к христианам вообще. Теперь продолжу это размышление. Если наш Господь исполнял закон, то и мы по примеру Его обязаны делать то же самое.

То есть прежде чем достигать высоких духовных созерцаний, мы обязаны сначала исполнять заповеди о делах; прежде чем молиться своими молитвами, нужно исполнять церковный чин; прежде чем дойти до свободы духа, нужно научиться дисциплине повиновения; прежде чем вступить в область благодати, нужно пройти еще закон; прежде чем достигнуть бесстрастия, нужно вести борьбу со страстями и особенно с «собственной волею»; прежде чем дойти до совершенства любви, нужно научиться исполнять хоть повеления власти, Церкви (например, о постах); прежде чем войти в дух, во внутреннее, нужно сделать по букве, внешнее. Одним словом, прежде чем сделаться новозаветным человеком, нужно еще побороть в себе ветхого, то есть исполнить ветхозаветные требования.

Но далее: это лишь начало. Это лишь путь, который нужно перейти. Ведь остановиться

на этом (законе, борьбе, букве) невозможно. И по очень простой причине. Ни закон, ни буква не спасают душу. Борьба в Ветхом Завете была бесплодна (Рим. 7, 14–25). Человек, застывший на этом, духовно омертвевает, как, например, иудеи, как наши староверы. Нужно достигнуть новозаветного состояния как совершенного, спасающего, свободного, подлинно духовного, а не мертвенно-обрядового. Действительно нужно войти в завет с Богом, а не формально внешне остановиться на букве, на обряде.

Однако прежде нужно пройти «школу» законничества, чтобы, во-первых, почувствовать, как она тяжела (операция «обрезания» своей воли), во-вторых, — понять, что мы своими грехами заслужили ее, эту рабскую школу, в-третьих, (и это, может быть, самое главное) — опытно познать, что сама по себе школа закона (буквы, обрядов, даже и в христианстве) не достигает цели, не спасает, не утешает, не насыщает, не избавляет от зла. И что, следовательно, нужно искать какого-то иного пути спасения. А это и есть благодать. Там лишь оживает духовно человек, получая «Духа Животворящего».

Вот и Господь, прежде чем получить в таинстве Крещения благодать Святого Духа, нисшедшего в виде голубя, сначала исполняет закон. Так и нам, чтобы действительно сделаться благодатными, уже окончательно возродиться, нужно еще исполнять разные законы, каноны, «правила», «послушания», чины и так далее. Закон, следовательно, нужно исполнять сначала.

«Народа ради»

Но особенно это было важно для Христа Спасителя, воплотившегося от иудеев и начавшего Свое служение спасения с них именно.

Иудеи были чрезвычайные «законники». Ведь они и распяли-то Господа в конце концов потому, что Он представлялся им «противником» закона. «Разрушает закон, — кричали они против Него. — А сверх сего еще и Богом Себя делает». Это уж казалось им верхом беззакония. Да и действительно, если бы Спаситель не был Истинным Богом на самом деле, то это было бы ужасным беззаконием! Апостол Павел даже самое неверие их во Христа приписывает их обрядовой ревности к букве закона; а цель закона — Христа — просмотрели (Рим. 10, 3–4).

И потому всякому, кто (как Господь) хотел что-либо делать среди этого законнического народа, безусловно, необходимо было быть самому на высоте закона. Иначе они и слушать бы не стали. И Господь исполнил все предписания. И после Он вызывал иудеев

на открытый вопрос «Кто может обвинить Меня в неправде?» (Ин. 8, 46). Поэтому и обвинители Его не могли привести свидетельств нарушения Им закона. Тогда осталась уж одна вина:

— Ты ли Сын Божий?

— Да!

— Повинен смерти!

Так после и апостолы должны были считаться с этой законнической психологией евреев; и апостол Петр в Антиохии (Гал. 2), и апостол Павел делали это неоднократно. Последний обрезал ученика своего Тимофея, сына еврейки и грека, ради иудеев (Деян. 16, 3), апостол Петр «лицемерил», будто бы в Антиохии (Гал. 2, 11–20), хотя оба были против обрезания, даже евреев.

Обычаи — великая сила, особенно когда они основаны на религиозной почве.

И сами «родители» Господа — Иосиф и Пречистая Дева Мария — не могли иначе поступать, как только «по закону», будучи праведными евреями.

Так, следовательно, закон, данный Богом, нужно было исполнять уже и потому, что он сделался привычкою и у людей, у народа.

Завет

Вот я написал выше о том, что действительно нужно войти в завет с Богом, — и вдруг осенила меня новая мысль. А что это такое — «завет»? Если мы поймем это, нам тогда яснее будет смысл и ветхозаветного обрезания; и откроется смысл его и для христиан.

«Завет» означает связь, союз, уговор; но слова эти сухие, деловые, формальные. А слово «завет» означает внутреннюю, интимную, духовную, живую связь с Богом. «Завет» — это жизнь в Боге, жизнь для Бога, жизнь с Богом. Завет с Богом — это значит общение Бога с людьми, любовь Его к ним, жизнь в них.

Вот что такое «завет».

А теперь ясны дальнейшие выводы. Еврей давал обет жить в Боге, а Бог — в нем. Да ведь это же главнейшая цель существования человеческого! Да ведь это же цель создания мира! Это задача избранного еврейского народа — сохранить связь с Богом! От этого отпал весь мир (фактически — и иудеи, и язычники: все согрешили и лишены славы Божией (Рим., гл. 3, 23 ср. гл. 2). Потеряли живую связь с Богом. Восстановить ее, вступить в «Новый Завет» и пришел Господь Спаситель.

Люди исполняли символ (обрезание), а духа уже не имели: «Не то истинное обрезание, — говорит апостол Павел, — которое по телу, а которое в сердце духом» (Рим. 2, 28, 29). О язычниках же и говорить нечего было!

И вот Господь несет «родителями» в храм и обрезанием Своим показывает, что нужно действительно восстановить завет, связь, жизнь с Богом. Это — первая задача; ее первую Он и исполняет. Вся остальная жизнь Его и служение являются осуществлением сей задачи. Смерть была лишь завершением дела Его. Поэтому Он пред смертью и говорит: «В том заключается живот вечный, чтобы познали Тебя, Отца, и Меня, Которого Ты послал... Я явил им имя Твое (Ин. 17, 3, 6) ... Да будут все едино, как Ты во Мне и Я в Тебе; да будут и они в Нас (21). Я Тебя прославил. Дело совершил (4). Я явил им имя Твое и еще явлю. Пусть любовь, которую Ты Меня возлюбил, будет и с ними. И я с ними» (26).

Это исполнение — духовное обрезание. Завет с Богом восстановлен: единение, любовь, жизнь с Богом.

А как это совершено? Двумя путями. Учением и делами, с одной стороны, Господь привел Своих учеников (как и нас теперь через Свое Евангелие приводит всегда) к Отцу и «показал им» Его, или «явил... имя» Его. А кроме сего — «посвящением Себя за них»,

как Он Сам говорит. А посвятить себя за кого-либо — это значит отдать себя вместо них, то есть принести в жертву, искупить на Кресте (17, 19). Но это уже пути к Завету. А задание, цель были приняты Господом в самом начале Его появления на свет — в чине обрезания... И всякий христианин имеет ту же цель — единение с Богом.

Ему имя — Иисус

При обрезании давалось у евреев имя. Теперь открылось и это. Необычайно важно.

Как мы знаем из Евангелия (Лк. 2, 21), при обрезании в восьмой день по рождении нарекали имя. Это делал обычно отец новорожденного (в храме), а раньше чаще всего называла мать. Так, Ева дала сама имя Каину, Лия — своим сыновьям, Иаков и Рахиль — Вениамину, Анна — Самуилу, мать и отец — Иоанну Предтече и т. п.* И если вы по Библии просмотрите хотя бы эти случаи, то легко увидите, что имена давались не случайно, а со значением. Обычно означалось осуществление чего-либо ожидаемого или предназначение рожденного и т. п.

Господь, как мы видели и знаем, пришел для того, чтобы восстановить порванный завет людей с Богом, живой завет — оживить людей или, как мы обычно говорим, спасти людей. Поэтому как же Его было иначе назвать, как не Спаситель?

Очевидно? Несомненно. А по-еврейски Спаситель (Иисус — греческое слово от еврейского) — Иехошуа (или сокращенно Иешуа, Иешу), что значит «Бог спасение его», или еще короче — «Бог Спаситель».

К обычному человеку это прилагалось в том смысле, что носящий это имя находится под особым покровом Божиим.

По отношению к Иисусу Христу также сие применимо. При крещении Отец возглашает: «Сей есть Сын Мой возлюбленный, через Него и в Нем Мое благоволение» (Лк. 3, 22), то есть Иисус Христос есть Бог.

Но через эту любовь к Сыну восстанавливается любовь Отца и к людям; и таким

образом, Он Сам, то есть Сын, делается Искупителем, «Спасителем». Это имя дано было еще раньше рождения, при Благовещении, Архангелом Гавриилом, то есть по повелению Пресвятой Троицы (Мф. 1, 21) с объяснением, что Он, Иисус избавит (по-славянски «спасет») люди Своя от грех их (Мф. 1, 21). Он спасет; не «сами» они спасутся... Следовательно, уже в этом имени указано все Его будущее: искупительное служение миру.

Или иначе сказать: в имени Его сокращенно, словом, наименовано то, что совершалось делом, чином, обрядом — обрезанием, как знамение установления связи Бога с людьми. Дело Господа Иисуса Христа — в одном имени: Спаситель. Иисус — имя Ему. Как это и отраднo, и важно, и понятно!

День именин

Отсюда теперь понятно, что день обрезания Господня есть и день Его имени, или «именины». А назван Он «Богом» — по Отцу Своему. И вообще у евреев было желание называть сыновей по имени отца; так и родственники советовали Елисавете называть Иоанна Крестителя (Лк. 1, 59) в честь отца.

В имени уже указано все последующее дело Господа: в начале указано все остальное... Как в семени — будущее: и зелень, и колос, и зерна, и хлеб, и питание, и жизнь.

Так новозаветное сплелось с ветхозаветным: пришел Спаситель «ветхого» человека, дабы сделать его «новым»; Ветхий Завет переходит в Новый. И теперь понятно, почему обрезание должно было быть первым праздником по Рождестве Христовом: здесь узел Ветхого и Нового Заветов, конец одного и начало другого. Это определение всей последующей задачи: это, следовательно, нужно было обозначить в самом начале. Потому и праздник пришелся между Рождеством и Крещением. Не оттого лишь, что обрезание должно было совершаться в восьмой день, но и по смыслу, взаимоотношению событий: сначала рождение, потом означение Его служения, и уже потом выступление на проповедь — крещение.

Но сие именование, сии «именины» Господа Иисуса были сокровенны. Никто и не подозревал тогда исполнения смысла имени Иисус, кроме Иосифа и Марии. При рождении хоть были пастухи, волхвы; узнал Ирод, книжники и т. д. При Сретении будут праведный Симеон, Анна и другие в храме; равно и всем ожидающим избавления в Иерусалиме (Лк. 2, 38), — говорила Анна пророчица. А здесь — только Иосиф и Мария,

да священник, совершивший обряд в храме... Именины Господни были тайны, сокровенны. И самый праздник — «спрятанный» между двумя другими великими событиями. Свои лишь... Так нам открывается, что нынешний праздник есть «день Иисусов».

Если Вознесение есть «день Спасов» — день Его как Обожеественного, Прославленного Сына Божия, как Бога, то нынешний день есть день Его по человечеству.

Ныне Господь принял на Себя человеческое имя как «Сын человеческий», ныне Он «вписался» в наше «гражданство» земное, чтобы потом приписать нас, при Вознесении, к гражданству Небесному.

Ныне особенно ясно, что Он — «наш», «нашего смешения», естества человеческого: Он и называется, как и все, Он еще Младенец — беспомощный, как и все, Он — видим пока именно как человек. Славы Божией не зрится еще в Нем. И обрезывается — плотски, человечески...

Мне это обрезание плоти раньше казалось слишком уж человеческим. Да! Но Он был именно совсем, совершенно, как и мы, Человеком.

Невольно приходит сравнение с нашими именинами. В прежнее время имя давалось тоже в восьмой день. И у нас имя дается родителями или крестным отцом. И у нас это «свой» семейный праздник. И у нас иногда давали имена по значению. А особенно — монашеские имена.

А теперь вывод: в день именин Господа нужно просить милостей у «Именуемого», про Которого апостол Павел говорит, что Бог Отец по Вознесении даровал «имя выше всякого имени, дабы о имени Иисусове всяко колени поклонилось: небесных, и земных, и преисподних; и всяк язык исповедал, что Господь Иисус Христос есть Господь во славу Бога Отца» (Фил. 2, 9 — 11).

Значит, в сей день наречения имени Его и мы должны поклониться Ему, как Господу, возблагодарить Его, что пришел ради нас, и просить главного, о чем говорит Его Имя, и что делает Он в чине обрезания — спасти нас.

Иисусе Спасителю — спаси нас!

Иисусе Искупителю — к Отцу Твоему приведи нас!

Что такое обрезание?

Теперь мне хочется немного возвратиться к вопросу об установлении самого обряда обрезания в Ветхом Завете, к его истории, смыслу, форме... Все это ведь богоустановлено, следовательно, чрезвычайно важно...

Точно золотые россыпи открываешь. Зерно за зерном...

Вот как впервые говорится об этом в Слове Божиим, в Библии (Быт. 17 гл.): Господь явился Аврааму и обещает ему, бездетному, произвести от него многие народы. И потому переименовывает ему и имя из «Авраама» в «Авраам». И заключает с ним завет; и со всем потомством его, в завет вечен да буду тебе Бог, то есть буду твоим Богом, Близким. Дам тебе землю и потомкам; и буду им Бог. А ты завет Мой соблюди: благоугождай Мною и будь непорочен.

И вот знамение этого завета: Обрежется от вас всякий мужеск пол, и обрежете плоть крайнюю вашу. И будет в знамение завета между Мною и вами. И младенец осми дней обрежется вам... И будет завет Мой на плоти вашей в завет везен. Необрезанный же мужеский пол, еже не обрежет плоти своя крайняя в день осмый, погубится душа та от рода своего: яко завет Мой разори (10 — 14).

И 99-летний старец Авраам со всею семьею обрезался в тот же день.

И этот завет так строго исполнялся, что из-за нарушения его едва не погиб сам «друг Божий» Моисей.

Когда он после явления ему Бога на Хориве возвращался из Мадямской земли в Египет для спасения народа и шел вместе с женою Сепфорою и сыном (а последний был необрезан; видно, мать жалела его и не хотела исполнять этого еврейского обычая, а отец, Моисей, не настоял по снисходительной нежности к жене), тогда Господь, терпевший это в чужой стране, не потерпел, когда Моисей шел к своим и притом с такою высокою Божьею целью. И явился Бог ночью на ночлег и хотел поразить Моисея смертью. В чем это выразилось — в Библии не говорится... Тогда жена взяла острый камень и обрезала сына своего... И Господь пощадил Моисея (Исх. 4, 24 — 26). Так строго исполнялся Божий завет!

Спрашивается: какой смысл именно в этом символе? Обрезание говорит о смерти...

Крайняя плоть — путь жизни человеческой. В то же время — средоточие страстности. Значит, кто хочет иметь завет с Богом, тот должен свергнуть с себя страсти или грехи: жить непорочно. Поэтому у пророка Иеремии сказано: обрежьте Богу вашему и обрежьте жестокосердие ваше, мужие иудины, ... да не изыдет, яко огонь, ярость Моя, и возгорится, и не будет угашаяй, ради лукавства начинаний ваших (Иерем. 4, 4. То же св. Моисей говорит: Втор. 10, 16).

Кто хочет иметь связь с Богом, должен отказаться от всего, даже от самой жизни своей: любить Бога, быть Ему преданным до смерти, всецело; как бы заранее предать себя на смерть Бога ради, Или: принести себя в жертву. Умереть для себя и жить для Бога.

Таков сильный смысл этого обряда. А это ясно приводит нас к двум выводам: ко Кресту и к крещению. Обрезание и Искупление Идея обрезания — идея крестного пути за Богом. Человечество внешне исполняло это, но внутренне евреи отошли от Бога...

А язычники и внешнего не творили. За это грозила гибель человечеству. И тогда Господь Иисус Христос «взял крест человеческий на Себя — и предал Себя за людей смерти.

Так, следовательно, обрезание служило прообразом Голгофской Смерти. И, обрезываясь в восьмой день по рождении, Господь этим уже предсказывал Свою Искупительную Жертву. Обрезываясь человеческим обрезанием, Он брал на Себя грехи людей; и в Своей плоти показывал миру, что берется вместо них исполнить Закон быть непорочным в завете с Богом; а за их грехи умрет смертью. Так открывается связь обрезания с Искуплением.

Другая связь — с нашим крещением. Об этом апостол Павел совершенно ясно говорит в Послании к Колоссянам, где он сравнивает оба эти вида завета: обрезание ветхозаветное и крещение новозаветное. Там — обрезание плоти, здесь — обрезание сердца; там — рукодельное; здесь — нерукотворенное; но и там, и здесь — связь с Богом.

Здесь, в крещении, эта связь выражается только в ином обряде, но значение его то же: смерть ради Бога. Человек, погружаясь в воду, умирает (как бы в гробе опускается) для прежней греховной жизни, чтобы ожить верою и чистотою, жизнью новой, христианской.

Господь и принес этот новый путь: тайну крещения; и Сам крестился. Но сначала Он исполнил прообразовательный ветхозаветный обряд. Как и на Тайной Вечери вкушение ветхозаветного агнца Он перевел в Таинство Тела и Крови.

Кстати, сектанты говорят, что нельзя крестить детей младенцами, потому что они неосознательны; но если восьмидневные еврейские младенцы по повелению Божию вступали в завет с Ним, то и крестить можно, ибо крещение заменило обрезание. И сюда же, к крещению, нужно присоединить и мысль о принятии на себя креста и нами. Как Спаситель, обрезываясь, принимал на Себя Крест, так и мы, крестясь, принимаем на себя обязательство нести крест, своего искупления всю жизнь: пить Чашу, которую Он пил, и креститься крещением, которым Он крестился (Лк. 12, 50. Mk. 10, 38, 39). Таков глубокий смысл обрезания.

И понятно, почему евреи чрезвычайно держали его; и потому когда апостолы объявили обрезание ненужным (после Крещения и Искупления), то это страшно восстановило иудеев: им казалось, рушилось все! Это весьма похоже на то, как если бы теперь

перестали креститься (что и есть уже во Франции, России и других странах) ...

Крест и имя

Если теперь спросить, почему же именно наречение имени новорожденному приурочивалось к этому крестному мучительному обряду, то я выскажу лишь свое мнение.

Пока еще человек не вошел в завет с Богом, он еще — не вполне человек; он еще недостойн именоваться человеком, ибо человек есть образ и подобие Божие; а пока сей образ не сочетался с Первообразом, то есть не определил еще своей цели — отдать себя Богу. И до той поры он больше как бы животное, только высшего качества. А вступивши в связь с Богом, сделавшись — по общению хотя бы — членом Его Царства, он уже — Божий; и потому ему и дается теперь «человеческое» имя, отличающее его от животных. А нередко и в самых именах отмечалась та или иная связь человека с Богом. Особенно это видно у евреев, где Иегова (или иногда сокращенное Иего) весьма часто входит в состав имени: Иоанн — Божий милостивый дар (сербское имя Божидар); Гавриил — сила Божия; Мария (Мариам) — Превозвышенная, Великая (Богом); Иехония, Иоаким, Анна (сокращенное из Иоанны) — Благодатная и Миловидная и т. д.

Но почему завет и имя соединяются с крестом (обрезанием)? Потому что падший человек не иначе может возратить утерянную связь с Богом, как уже через страдания при исполнении завета. Но поелику он, в конце концов, оказывается бессильным исполнить завет и заповеди, то его крест переходит на Сына Божия. И только после Его страдания люди становятся «чадами Божиими» и получают это славное имя, а Бог становится снова им Отцом.

Так, следовательно, наименование при обрезании указывало на то, что после Искупления Христом мы уже не принадлежим себе, ибо «откуплены» Кровью Его; и Он уже, как Господин, как Владетель наш, волен давать нам имена. Поэтому в христианстве даются имена при крещении или при предварительном моменте крещения — наречении имени — как бы подобном обручению пред свадьбою, или наречению во архиерея раньше хиротонии.

И Спаситель нарекался ранее Своего Крестного служения, уже взяв на Себя обязательство (дав «залог») спасти людей. Замечательно, что у сербов день «славы» так и называется: «крестно имя» (крестное имя). То есть они, как и их предки, получали

имя при крещении, но самое слово «крещение» заменилось однозвучным — и внутренне, догматически, сродным — словом «крест». Получилось: «крестное имя».

Праздник имеславия

Осталось мне из «своих» мыслей упомянуть разве о том, что если бы когда-нибудь возник вопрос об установлении особого праздника святому имени Иисус, то несомненно, сим днем подобало бы избрать сей день наречения имени Спасителю.

В связи с этим глубокий богослов в нынешний праздник мог бы углубиться в эту великую тайну имени Божия и имеславия.

Искупительное послушание

Человек должен был исполнять закон, чтобы спастись. Он этого не смог. Закон же, данный после, оказывался ему непосильным, и только обличал его беспомощность и подвергал клятве за неисполнение, подобно прокурору на суде. Господь вместо человека взял на Себя исполнение закона — и вот с самого рождения начинает исполнять закон. А исполнять закон — значит проявлять смирение, послушание Законодавцу Богу, значит — отречься от своей пагубной воли.

Исполнением закона Господь показал, что и первые люди могли бы исполнить заповедь Божию. А если не исполнили, то виноваты сами перед Богом. А эта вина опять снимается Им же: Сам Господь исполнил закон; Он Крестом заслужил власть ходатайствовать пред Отцем о помиловании не исполнивших его. Обрезание Господне И еще: так как все Искупление есть смиренное исполнение послушания Отцу («Я пришел, — говорит Господь, — да творю волю Отца Моего»). (Ин. 6, 38). И Апостол Павел говорит о Христе: Он был послушлив даже до смерти, то можно сказать, что нынешнее обрезание уже есть начало Искупления, как начало послушания законам Божиим.

Впрочем, так как это начало было уже в рождении Господа, то обрезание нужно назвать уже продолжением взятого искупительного подвига — более очевидно говорящим именно о смерти, о Кресте, Голгофе, жертве.

За грехи наши

Теперь мне осталось отметить лишь одну сторону смысла обрезания.

Во всяком деянии Господа мы видим проявление Искупительного подвига за нас. «Нашим крещением крестился», «за наши» грехи распят, «с нами вознесся» и т. д.

Обрезание означало еще и казнь, наказание за грехи. И эту казнь ныне приемлет на Себя Безгрешный — не подлежащий, следовательно, наказанию. А в таком случае Он начинает терпеть за других, за нас. А, следовательно, можно сказать: «нашим обрезанием обрезается». Но для этого требуется «обрезывать» (урезать, отсекал) свою волю, как падшую. Правда, болезненность здесь необходима, то есть принуждение, борьба против себя. И, конечно, это есть последствие грехопадения; но наказанием, кажется, лучше бы не называть. Впрочем, если это «отсечение» воли, — это скорбное принуждение является (несомненно!) «последствием» падения; то и тогда можно сказать про Спасителя: Он начинает терпеть это за нас, страдать нашим страданием. В дальнейшем же смысле это страдание можно назвать и «наказанием».

Подзаконная клятва

В связи с этим следует выяснить и вопрос о клятве. В Слове Божиим ясно говорится о связи закона с клятвой: Христос ны искупил ест от клятвы законныя, бы в по нас клятва (Гал. 3, 13). Бог послал Сына Своего, раждаемаго от жены, бывавма под законом: да подзаконныя искупит, да всыновление восприимем (Гал. 4, 4 — 5).

А ныне Господь начал исполнять закон...

Мы согрешили в прародителях, а потом и сами грешили и грешим. Закона не исполняем. А всякий не исполняющий закона проклят: это и мы ощущаем, когда «совесть мучит». Что же делать? Исправить, особенно прошлого, мы уже не в силах, и потому остаемся под клятвой. Так закон всех подводит под клятву и лишает любви Отческой, или «всыновления».

Это и есть «подзаконная клятва»...

Далее: как же Христос искупает нас от нее? И именно «исполнением закона»?

Сами мы не могли этого и не можем. А Он начинает исполнять и исполняет. Что же мне из того?

Возьмем пример понятный. Сын, предположим, не хочет поститься, говеть и т. п. Тогда мать начинает все это творить за него, а свое особо продолжает. Это она делает по связи с ним, по единению, по любви... И труд ее Господь принимает за сына: на этом ведь основаны молитвы и милостыни за умерших... Этим Он освобождает от наказания...

Подобно сему Господь начинает исполнять, как должно, закон — не внешне лишь, но главным образом внутренне, — за нас. И Господь Отец принимает эту жертву единения и снимает с нас клятву. И возвращает опять Своего Духа, Которым снова усыновляет людей.

О сем и говорит апостол Павел — Искуплением (уже) чрез Христа это дается: И понеже (так как) есте сынове (уже), посла Бог Духа Своего в сердца ваша, вопиюща: Авва! (то есть) Отче (Гал. 4, 6).

Вот небольшой намек на объяснение.

**Источник: Митрополит Вениамин (Федченков).
Письма о двенадесятих праздниках. М., 2004 г. «Лепта»-«Скимен»**

[Портал "Православие и мир"](#)